

Studia Slavica Hung. 60/2 (2015) 451–463

DOI: 10.1556/060.2015.60.2.13

Образ коммунальной квартиры в текстах русских исполнителей*

АННА КАДЫКАЛО

Instytut Rosji i Europy Wschodniej, Uniwersytet Jagielloński,
Al. Mickiewicza 3, PL-31-120 Kraków
E-mail: kadykalo.anna@gmail.com

(Received: 18 April 2015; accepted: 3 August 2015)

Abstract: The aim of this paper is to show how communal apartments were perceived by many authors of Russian songs. The analysis of these texts proves that communal apartments clearly characterize Soviet everyday life. Communal apartments can be called a Soviet microcosm, a non-idealized portrayal of Soviet society in miniature that represents the invasion of individual life. Communal apartments were Stalin's institute of social control. The forms of communal life left significant imprints on the mentality of Soviet people, causing their moral deformation. The analyzed songs express memories of Soviet citizens. Communal apartments are shown: 1) as a manifestation of negative features of collective mentality; 2) as a model of common life with justice, peace, and social equality; 3) as a place of forced communication with neighbours. The songs of communal apartments became part of collective memory, and they affect the representation of listeners, forming their image of Soviet everyday life.

Keywords: USSR, Soviet mentality, Soviet everyday life, communal apartment, Russian singers, cultural memory

Целью данной статьи является показать, каким образом воспринималась коммунальная квартира в среде авторов русских песен. Будет представлено, как к этому социальному явлению относились жильцы (которыми нередко бывали исполнители), и с чем ассоциирует коммуналку молодое поколение певцов. На этом основании автор постарается прийти к выводу, как в текстах песен трансформируется и передается память о коммуналках.

Коммунальной квартирой (коммуналкой) называется квартира, имеющая несколько обособленных жилых помещений, в которой живет несколько семей или отдельных жильцов. Каждый наниматель занимает чаще всего одну комнату и пользуется помещениями общего пользования, то есть ванной, туалетом, кухней, коридором и прихожей, что является, как правило, источником постоянной напряженности между жильцами.

Широкое распространение коммуналки получили после Октябрьской революции. В результате проводимого большевиками процесса «уплотнения», у богатых горожан отбирали жилье и подселяли к ним в квартиру новых советских людей: рабочих, коммунистов или военных. Процесс «уплотнения»

* This paper was supported by funding from the Jagiellonian University of Cracow within the SET project. The project is co-financed by the European Union.

С. Кара-Мурза называет «очень болезненной социальной операцией» (КАРА-МУРЗА 2002: 338). Коммуналка являлась распространенной формой организации жилища в крупных городах СССР, прежде всего в Москве и Ленинграде. Наибольшее количество коммунальных квартир появилось в Петрограде, так как до революции там было много квартир большой площади. Стоит заметить, что первые коммуналки появились уже в начале XVIII века, когда сдаваемые в поднаем помещения разгораживались хозяевами с целью получить возможность сдать площадь большему количеству желающих. В 1860-е гг., после выхода романа Н. Г. Чернышевского *Что делать?*, распространились т. н. «коммуны-общежития», когда группы молодых людей вместе снимали квартиру из 2–4 комнат (см. Кружнов).

Ввиду малого объема строительства и, одновременно, с учетом индустриализации и связанного с ней оттока рабочего населения в города, коммуналки стали основным путем решения жилищной проблемы вплоть до середины 1950-х гг. Тогда была определена новая стратегия в области жилищной политики, направленная на массовое строительство отдельных квартир (см. Кружнов). Строились т. н. хрущевки (пятиэтажки), в которых учетная норма составляла 9 кв. м. на члена семьи (ПАРФЕНОВ 2009). Однако даже масштабное возведение крупнопанельных пятиэтажек не решило жилищного вопроса, поскольку при заселении новых квартир нередко применялся принцип «один сосед к каждой семье» (см. Кружнов).

С начала 1990-х гг. жители коммунальных квартир могли приватизировать комнаты при наличии согласия на приватизацию всех соседей. Однако коммуналка – основной институт социального контроля, и в сегодняшней России для многих является необходимостью (ВОУМ 1995: 165). В настоящее время в России остается несколько миллионов жильцов коммунальных квартир. Лидерство среди мегаполисов в этой сфере прочно удерживает Санкт-Петербург. Согласно данным Жилищного комитета этого города на 2011 г., в 105 000 коммуналках живет около 660 000 человек. Город остается «коммунальной столицей» СНГ. При этом сегодняшние жители коммунальных квартир – это самые социально незащищенные и бедные слои населения, чаще всего пенсионеры (ТКАЧУК 2002). Проблема жилья по-прежнему остается одной из самых актуальных и сложных в России (СЕРГЕЕВА 2004: 35).

Возникновение и распространение коммуналок находило обоснование в идее коллективизма социалистического общежития. Трудящиеся должны были научиться коллективизму и устранить индивидуалистическое домашнее хозяйство (ТКАЧУК 2002). Следовательно, появление коммунальных квартир можно считать не только результатом жилищного кризиса в послереволюционное время, но и попыткой ввести утопичную идеологию, которая была бы в состоянии уничтожить остатки буржуазной жизни (ВОУМ 1995: 124). Коммуналка должна была помочь вырастить образцовое коммунистическое общество. Как констатирует А. И. Черных, «создание нового быта как важнейшей составляющей культурной революции связывалось в первую очередь с отвержением буржуазного индивидуализма и осознанием себя частью

коллектива» (Черных 1995: 76). Примечательно, что названия *коммуналка*, *коммунальная квартира* происходят от латинского слова *communis* 'общий' и близки по звучанию со словом *коммунизм*.

Коммуналки становились олицетворением вторжения в индивидуальную человеческую жизнь. Формы коммунального быта наложили значительный отпечаток на менталитет советского человека. И постоянный контроль коллектива за практически всеми сферами жизни индивида делал проницаемой границу сфер публичного и приватного, сильно сужая последнюю. Жизнь нескольких семей в одной квартире приводила к многочисленным ссорам и конфликтам. Это касалось также нескольких поколений семьи, проживающих в одной комнате: «В тесной скученности, в противоестественной близости деформировались отношения между мужем и женой, между родителями и детьми, между подрастающими братьями и сестрами» (Сергеева 2004: 38–39). Зависть к соседям создавала почву для доноительства, присущего советскому коллективизму.

Как отмечает А. И. Черных, государство, ставшее монопольным собственником жилья, превратило его в один из главных рычагов социального контроля, гнетущие последствия которого ощущаются до сих пор (Черных 1995: 77). С другой стороны, В. Л. Леви подчеркивает, что в коммуналках тренировалась у людей способность привыкать к агрессивному, нетерпимому соседу или стукачу. По мнению писателя, «коммуналка для наших советских людей была совершенно великолепным тренингом общения, вообще тренингом выживания» (Ткачук 2002). В противоположность сегодняшнему дню, когда сосед не знает соседа, в коммуналках все всё про всех знали... (Ткачук 2002).

Нельзя забывать, что нередко в коммунальных квартирах специфическая атмосфера способствовала также и установлению дружеских, квазисемейных отношений, взаимопомощи в быту. Отсюда вытекает иногда встречающееся у жильцов расселяемых квартир нежелание разъезжаться (Клубков 2002). Хотя в коммуналках и случались ссоры по поводу очередности или правил пользования кухней, туалетом, ванной, но со временем вырабатывались некие правила сосуществования. Жильцом коммунальной квартиры была и профессор Светлана Бойм, вспоминая, что она часто забывала выключить свет в общих помещениях, что не могло не привлечь внимания недовольных, но очень бдительных соседей (Воум 1995: 2). Однако при согласованном со всеми жильцами коммуналки регламенте общежития многие проблемы решались: уборка общественных мест осуществлялась по очереди. Следует обратить внимание на парадоксы коммунальной жизни: хотя люди и ненавидели коммунальную интеракцию, они так сильно привыкали к коммунальным структурам, что потом вспоминали их с ностальгией (Воум 1995: 149). Это связано с тем, что соседи часто вместе справляли праздники и похороны, воспитывали детей, участвовали в проблемах других семей. Следовательно, многие русские, воспитанные в тесных коммуналках, не представляют себе иного образа жизни (Сергеева 2004: 41).

Исследователи подчеркивают, что коммуналки внесли огромный вклад в создание современного русского национального характера. В частности, практика скандалов, атмосфера ненависти, доносы повлияли на деформацию моральных принципов (СЕРГЕЕВА 2004: 40). Таким образом, в коммуналках ковался новый советский тип человека. В эссе *Полторы комнаты* Иосиф Бродский дает интересное описание коммунальной квартиры: «При всех неприглядных сторонах этой формы бытия, коммунальная квартира имеет, возможно, также и сторону, их искупающую. Она обнажает самые основы существования: разрушает любые иллюзии относительно человеческой природы» (Бродский 1995). Жизнь в коммунальной квартире отличается тем, что ничего нельзя окупать тайной перед соседями; это касается даже дел, имеющих частный и интимный характер. А с другой стороны, наблюдая «краем уха, уголком глаза» за поведением жильцов, анализируя их взаимные отношения, можно научиться житейским основам (Бродский 1995).

Как утверждает А. Беззубцев-Кондаков, жилец коммунальной квартиры представляет собой особенный психологический и культурно-исторический тип, сущность которого раскрывается для исследователя посредством изучения, прежде всего, прозы и поэзии XX века. Образ коммуналки всегда колоритен, поскольку в нем заложены некая интрига и внутренний конфликт (см. БЕЗЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ 2005).

Мотив коммунальной квартиры очень часто использовался в разных отраслях искусства. В послереволюционное время чувства были заменены стремлением получить жилплощадь, которая являлась важнейшей ценностью, поэтому именно она становилась центральным сюжетом литературы и кино в 1920-е гг. (Войм 1995: 131). Коммуналки появляются в произведениях Михаила Булгакова: в повести *Роковые яйца* и в романе *Мастер и Маргарита*, в пьесе *Зойкина квартира*; в повести *Собачье сердце* изображается попытка «уплотнения». Жизнь в коммунальной квартире юмористически описывается Ильей Ильфом и Евгением Петровым в романе *Золотой теленок*. Коммунальный быт обсуждается в рассказах Даниила Хармса *Победа Мышина*, Абрама Терца *Квартиранты* и Михаила Зощенко (*Нервные люди*, *Кризис*, *Летняя передышка*). По сценарию Анатолия Луначарского был снят агитационно-пропагандистский фильм *Уплотнение*. В коммунальных квартирах происходит действие фильмов *Наши соседи* (реж. С. Сплошнов), *Пять вечеров* (реж. Н. Михалков), *Покровские ворота* (реж. М. Козаков). В 2008 году во Франции вышел документальный фильм *Коммуналка*, удостоенный Премии им. Анны Политковской в 2009 году. Как утверждает А. Рудевич, кинематограф отчасти способствует сохранению коммунальных квартир: «Каждая десятая коммуналка в Москве так или иначе „засветилась“ в кино. Для съемок фильма коммунальная квартира просто идеальна: она компактна, но при этом содержит в себе абсолютно разные фактуры» (Рудевич 2014).

Коммуналка составляла основание уже уходящей советской цивилизации. Она являлась специфически советской формой жизни, институтом социального контроля и источником информации для милиции. Частное здесь

было невозможно (Войм 1995: 123), в чем убеждают популярные до сих пор анекдоты, например:

Коммунальная квартира. Пошла одна из жительниц в ванну помыться. Моется, вдруг в окно над дверью заглядывает небритая рожа соседа. Девушка возмутилась:

- Как вам не стыдно! Вы что, никогда обнаженной природы не видели?
- Плевать мне на твою натуру, я смотрю, чьим мылом ты моешься.

Приведенный анекдот является доказательством того, что подглядывание и шпионство были распространены в условиях общей квартиры. Исследуя анекдоты, И. Тубалова констатирует, что наиболее полное развитие этот жанр получил «в период становления советского тоталитарного строя, частично компенсируя потребность соответствующих социальных слоев населения в обсуждении фактов окружающей действительности...» (Тубалова 2008). Смех и ирония являлись орудием в борьбе с серыми буднями повседневности. Хотя со временем многое изменилось, коммунальная квартира не ушла в прошлое, она остается фактом русской повседневности. А. Беззубцев-Кондаков убежден, что преждевременно говорить об исчезновении «коммунального» архетипа в российском обществе. Это связано с тем, что коммунальная квартира слишком многое определила в формировании менталитета советского человека. Поэтому уместно говорить, что образ коммуналки принадлежит не только прошлому, но и пока еще сегодняшнему дню (Беззубцев-Кондаков 2005). Существует даже виртуальный музей, посвященный быту советских коммуналок. Благодаря архиву фотографий, аудио- и видеозаписям посетители могут прогуляться по комнатам и познакомиться с жильцами, рассказывающими о своем доме и о том, как ведет себя человек в условиях коммунальной квартиры. На сайте помещены тоже разнообразные документы, в частности, записки и объявления от соседей, письма и доносы граждан властям и в адрес различных организаций, чаще всего касающиеся отношений с соседями (Утехин и др. 2006–2008).

Яркий образ коммуналки, разные аспекты сосуществования соседей обнаруживаются в песнях, посвященных этому социальному явлению. Анализируя тексты песен, можно выделить несколько групп, сосредоточенных вокруг следующих проблем:

- 1) Коммуналка как синоним подсознательного страха, проявление негативных черт коллективной ментальности

Среди тех, кто именно таким образом воспринимает коммуналку, есть и бард Булат Окуджава. В *Песенке про черного кота* на черной лестнице живут черный кот и страх. В метафорической форме указано, что задний вход в коммуналку ведет через темный уголок советской подсознательности. Черный кот, который все время молчит, составляет воплощение подозрений, вписанных в сталинское время, совмещение судеб доносчиков и жертв, часто

живущих под одной коммунальной крышей. Конец песни – это размышление над советской коллективной ментальностью. Никто не повесит новую лампочку на лестнице, что могло бы устранить страх (Воум 1995: 141).

Оттого-то, знать, невесел,
дом, в котором мы живем.
Надо б лампочку повесить...
Денег всё не соберем.

(Б. Окуджава: *Песенка про черного кота*)

В песне освещается также интересная подробность коммунального быта – лампочки без абажуров. Возникновение этого явления связано с пропагандистским пафосом строительства нового социалистического быта, согласно которому следовало «исключить излишнее украшательство» как признак мешанского образа жизни. Новая минималистская эстетика распространялась, например, на абажуры и занавески. Хотя лампочка без абажура светила ярче, и ее свет бил в глаза, но в общественном месте эту ничем не защищенную лампочку можно было без проблем вывернуть.¹

2) Коммуналка как модель общей жизни, справедливого мира, социального равенства, вызывающего ностальгию

Вышеперечисленные качества присутствуют в песне с радостным настроением *Коммунальная квартира*, автором которой является советская и российская музыкальная группа Дюна. Под одной крышей проживают представители разных профессий и вероисповеданий, составляющие настоящую коммунальную общность. По утрам они дружно собираются в сердце коммуналки – на общей кухне, а вечером заводят концерты:

Эх, страна моя родная, край загадок и чудес
Где еще такое счастье, где еще такой процесс
Под одной огромной крышей и просторней и светлей
Ни к чему нам дом отдельный – вместе жить нам веселей

Это коммунальная, коммунальная квартира
Это коммунальная, коммунальная страна

(Дюна: *Коммунальная квартира*)

Александра Маринина считает, что песню можно прокомментировать двояко: как все здорово, как все весело, как все вместе и ничего плохого, в общем-то, в этом нет. Однако, с другой стороны, СССР был действительно коммунальной страной, в которой все были друг у друга на виду. При советской власти все, что было общим, в результате оказывалось ничьим, вследствие чего разрывывалось и разрушалось (см. Ткачук 2002). Выраженную в песне тоску по общей жизни резко критикует Дмитрий Быков. Писатель

¹ <http://www.kommunalka.spb.ru/cfm/essays.cfm?ClipID=335&TourID=910>.

замечает, что коммуналка являлась метафорой страны, и не стоит «распевать песенку про коммунальную страну», не вспоминая, чем в действительности была реальная коммуналка с ее нравами (Быков 2002).

Необходимость пользоваться общими местами выражается в песне Вячеслава Тимopheева *Коммуналка*. Исполнитель пытается убедить, что общая ванная, кажется, никому не мешает, не вызывает смущения, равно как и принадлежащие разным жильцам постиранные вещи. Перемешивающиеся запахи на кухне – это тоже частая ассоциация, которую вызывают коммуналки. В песне присутствует и тоска по общей жизни:

А мне опять вчера приснилась коммуналка.
Привычных запахов пьянящая тоска,
Кастрюли с тестом и потресканая скалка,
В знакомой миске второсортная мука.

(В. Тимофеев: *Коммуналка*)

Хотя все жильцы хотели переехать в отдельную квартиру, о которой они мечтали, коммуналка все же навсегда оставалась в их памяти как почти идиллическое место в неидеальной действительности. Коллективная модель жизни ассоциируется с молодостью, со школьными друзьями, которые жили в таких же условиях. В силу всего этого коммуналка вызывает положительные воспоминания. Именно поэтому автор обращается к коммунальной квартире, употребляя уменьшительно-ласкательные суффиксы:

Коммуналка, коммуналка, коммуналочка.
Там в подъезде от кильки баночка.
В ней окурков необъятная гора.
Моей юности прекрасная пора.

(В. Тимофеев: *Коммуналка*)

Социальное равенство в беде и ожидание лучшей жизни вспоминает также исполнитель разнообразного репертуара Юрий Ергиев в песне *Коммуналка*. Память прошлого позволяет осмыслить и, возможно, даже оплакать его, не взирая на присущие ему очевидные недостатки. В этом отражается характер русского человека – отождествление себя с государством и государственной общностью. Е. Н. Данилова утверждает, что в сознании россиян сильно выражена идентичность именно с государством, и с современным российским, и с бывшим советским: «Россиян отличает более глубокий след имперского и советского прошлого, в самоидентификациях россиян сильнее чувствуется драматичность утраты бывшего государства – Советского Союза» (Данилова 2006: 273–275).

С явно выраженной ностальгией и тоской к этому социальному явлению относится заслуженный артист Российской Федерации Михаил Евдокимов. Коммунальное существование в области быта обеспечивало своеобразное равенство в бедности:

Коммуналка, ах коммуналка, ах чего-то сердцу жалко,
 сколько вместе трудных лет прожито,
 ах коммуналка, поровну на всех,
 беда и радость, печаль и смех,
 здесь жили-были, хлеб, соль делили,
 и ненавидели, и все-таки любили.

(Коммуналка)

В свою очередь Борис Георгиевский считает, что если человек не знает «кармы коммуналки», то он не имеет права говорить, что понял жизнь:

Ах, это детство, коммунальная квартира,
 [...] она всегда казалась мне моделью мира,
 где все не так, где все на зло и вопреки.

(Коммуналка)

3) Коммуналка как место вынужденного общения с соседями, где отсутствует право на душевное спокойствие

Коммуналки резко деконструировали индивидуальную жизнь. Очень важным фактором было отсутствие отдельной кухни, составляющей символическое пространство нуклеарной семьи (см. Воум 1995: 127–128). Вместо того, площадь кухни была точно распределена между жильцами: у каждого был свой стол (или часть стола), свои конфорки на газовой плите и даже своя территория над столом, где сушили белье.

Вынужденность общения с соседями подчеркивают авторы песни *Коммуналка* новосибирской рэп-группы NTL. Жизнь в коммуналке позволяла ощутить чуждость этого места и полное отсутствие уюта – важного составляющего дома:

В старой коммуналке, засыпанной, словно в гроте,
 Из соседней комнаты постоянно дует холодом.
 Промокшие потолки и оборванные обои.

(NTL: *Коммуналка*)

У. Трояновска подчеркивает, что дом – это собственное пространство человека, защищающее его от опасного, нередко враждебного мира (Trojanowska 2008: 21). Но дом может также стать тюрьмой для человека, когда он ограничивает его (Trojanowska 2008: 27). Именно такую функцию выполняет коммуналка, суживая приватное пространство и вводя принудительные стесняющие отношения между жильцами. В этой угрюмой песне представлены грустные и трагические судьбы нанимателей. Певец хорошо знает их личную жизнь, их проблемы, он описывает патологические черты характера жильцов.

Тексты песен доказывают, что в коммуналках нередки нарекания и жалобы на соседей за стеной, паленую водку, запах котлет на сковородке, общий туалет (ср. песню группы Крики улиц *Коммуналка*). Это связано с тем,

что в коммуналках люди страдали от вынужденности общения, а сфера интимности была сведена к минимуму. Как замечают авторы проекта *Коммунальная квартира – виртуальный музей советского быта*: «Прозрачность пространства доводит их осведомленность о жизни друг друга до степени, в других условиях доступной лишь близким родственникам. Соседи всегда здесь, они молчаливо присутствуют за стенами комнаты. Они узнают друг друга по звуку шагов в коридоре».²

Проблемы сосуществования на общей жилой площади обнаруживаются и в песне Икотки и Компа *Коммуналка* (являющейся пародией на песню Наутилуса Помпилиуса *Утро Полины*). Как убеждают авторы, живя в коммуналке, нельзя ждать покоя, так как нанимателей тревожит телефон соседки, а через тонкие стены все слышно. Громкое поведение соседей, равно как и нежелательное присутствие насекомых, мешают спокойно отдыхать:

И все эти годы я слышу как работает дрель
А за соседней стенкой монотонно капает кран
И перед сном меня, как всегда, охлаждает постель
Ведь на стене усами так страшно шевелит таракан
(Икотка и Комп: *Коммуналка*)

Жизнь в коммуналке описывается и как форма наказания:

Небось сам черт меня засунул в коммуналку
Решил за все грехи земные наказать.
(Валерий фон Эргардт: *Коммуналка*)

Автор данной песни сравнивает жизнь в коммуналке с тяжелой фронтальной обстановкой:

Все как на фронте, как в окопах Сталинграда,
на кухню общую тащусь как на расстрел,
ведь тут живут такие редкостные гады...

Перечисляются и возможные выходы из неблагоприятной ситуации, резкий характер которых проливает свет на крайнее изнеможение, граничащее с отчаянием:

...может скрыться в катакомбы,
или куда подальше выродков послать,
или купить ручную атомную бомбу
и к черту эту коммуналку раздолбать.
(Валерий фон Эргардт: *Коммуналка*)

Отрицательную картину коммунальной квартиры рисует также и песня композитора и певца Виктора Березинского *Коммуналка*, в которой налицо проблемы с соседями:

² <http://www.kommunalka.spb.ru/cfm/essays.cfm?ClipID=361&TourID=910>.

У нас бывают битвы и сражения
И стекла и тарелки часто бьют

(В. Березинский: *Коммуналка*)

Оказывается, однако, что к ним можно, все-таки, привыкнуть, поэтому певец признает: «А в общем все равно живем мы в мире».

В формат жалоб на соседей вписывается также песня Николая Еремина *Коммуналка*. Певец называет соседку нахалкой, его жизнь усложняется и тем, что отключают свет, а окна выходят в загаженный двор. В песне группы Ночная смена *Коммуналка* тоже присутствует обвинение соседки, которая кидает в суп мыло. Это доказывает, что коммунальный быт характеризуется проявлениями самых низменных свойств человеческой природы.

Крики у соседей – это повседневность коммуналок в представлении Игоря Фомина, который в песне отражает характерную бытовую сцену:

Сволочь, где ты был? Где вчера бродил?
Всю зарплату ты взял и прокутил,
Как тебе нажить, надо ж все пропить...

(И. Фомин: *Коммуналка*)

В коммуналках все всё про всех знали напролет. Жизнь в коммуналке неразрывно связана с водкой. Как признает Фомин, в коммуналке «восемь лет с трудом прожил, чуть в дурдом не угодил...».

Негативную характеристику коммуналки дает также исполнительница в жанре русский шансон Марина Месячная:

Я росла в другой эпохе
В коммуналке, в суматохе
[...]
Где скандалы и попойки
Где воняло как в помойке
Где столкнулись интересы всех общественных слоев.

(*Коммуналка*)

Песня отражает суть коммунальной жизни: в коммуналках жили рядом друг с другом люди из разных социальных слоев, которых скрепляла ответственность за общие места (Войм 1995: 124).

Завершением этого списка отрицательных качеств коммунальной квартиры может быть приравнивание ее к сумасшедшему дому:

[Телефонный звонок]
Алло
Скажите, это сумасшедший дом?
Какой сумасшедший дом, это коммунальная квартира
[Кошка, стекло разбитое, плач ребенка, звонок]
Саня, успокой ребенка,

Алло

Скажите, это квартира Гользберга?

Какая квартира, это сумасшедший дом

(В. Ухтинский: *Коммуналка*)

Песни, посвященные коммунальным квартирам, создали также Михаил Шелег (*Коммуналка*) и Сергей Мономах (*Поэт и коммуналка*), Бутовский Михей (*Коммуналка*), Андрей Сафонов (*Коммуналка*), Александр Розенбаум (*Коммуналка*), Рома Жиган и Сфора (*Коммуналка*).

Коммуналка вдохновляла к творчеству многих писателей и артистов. Вышеперечисленные песни доказывают, что коммунальная квартира вызывает разные чувства, но она в целом ярко характеризует советскую повседневную жизнь. Житель коммунальной квартиры постоянно вынужден быть на виду (см. Беззубцев-Кондаков 2005). Введение нового образа жизни с его коллективизмом быстро превратило коммуналку в сталинский институт социального контроля. Коммунальную квартиру можно назвать и «советским микрокосмосом», не идеализированным изображением советского общества в миниатюре (Войм 1995: 130). Коммуналка являлась орудием борьбы с мещанством и традиционной русской семьей – считаемой источником эгоизма и индивидуализма, а также угрозой для нового социалистического общества. Современные россияне стараются постепенно вытеснять эту специфическую форму общезжития и общения между людьми из своей повседневности.

Приведенные песни доказывают, что коммуналка – это место, наделенное культурным значением, имеющее свой *genius loci*, который придает ей идентичность. В случае коммуналки можно говорить о памяти места, которая принимает форму местоположения (*locus*). Память типа *locus* присуща людям, которые долгое время жили в данном месте и ощутили его «изнутри» (Lewicka 2014). Данный тип памяти присущ и авторам песен. Принимая эту трактовку, выраженную в некоторых текстах ностальгию по коммуналке можно считать тоской по равенству в бедности и несогласием с правилами капиталистического мира, порождающими социальную напряженность. Коммуналка составляет своеобразное пространство памяти, вызывающее многочисленные эмоции, чувства и ассоциации, принадлежащие к советскому прошлому. Рассматривая прошлое как категорию познания, следует учесть, что оно не ощущается непосредственно людьми, живущими в настоящее время. В данном случае это замечание относится к молодой части аудитории вышеприведенных исполнителей.

Однако прошлое является пространством для явлений, которые в общем понимании обуславливают настоящее. Прошлое определяет настоящее постольку, поскольку память позволяет сравнить то, что было, с тем, что переживается личностью (Mielicka-Pawłowska 2012: 15). С этой точки зрения можно принять, что прошлое создает настоящее, так как текущие идентификации личности основаны на сохраненной, воспроизводимой и перерабатываемой памяти. Примечательно, что память о прошлом преобразуется в то

время, как оно подвергается забвению (DZIEKANOWSKA 2012: 27). Важным источником искажения автобиографической памяти являются также интерпретации. Рассказывая историю из своей жизни, рассказчик часто ее модифицируют, чтобы она казалась интересней (DZIEKANOWSKA 2012: 28). Кроме того, в процессах конструирования общей памяти прошлое и настоящее совмещаются (DZIEKANOWSKA 2012: 33). Тексты песен являются материальными носителями культурной памяти о коммуналках: они выражают воспоминания советских граждан, становясь частью коллективной памяти. Они влияют также и на представления слушателей песен, формируя в их сознании образ советской повседневности.

Литература

- БЕЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ 2005 = БЕЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ А. Наш человек в коммуналке. *Урал* 2005/10. <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15-pr.html>.
- БРОДСКИЙ 1995 = БРОДСКИЙ И. Полтора комнаты. *Новый мир* 1995/2. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/2/brodsk.html.
- БЫКОВ 2002 = БЫКОВ Д. *Блуд труда*. http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/147696/Bykov_-_Blud_truda.html.
- ДАНИЛОВА 2006 = ДАНИЛОВА Е. Н. Гражданские и этнические идентификации в России. В кн.: ДАНИЛОВА Е. Н., ЯДОВ В. А. (ред.) *Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.)*. Санкт-Петербург, 2006. 268–295.
- КАРА-МУРЗА 2002 = КАРА-МУРЗА С. *Советская цивилизация*. Т. 1. *От начала до Великой Победы*. Москва, 2002.
- КЛУБКОВ 2002 = Коммунальная квартира. В кн.: КЛУБКОВ П. А. (ред.) *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. Т. 2. Санкт-Петербург, 2002. http://2tq.ru/slovary/kommunalnaya_kvartira.html.
- КРУЖНОВ = КРУЖНОВ Ю. Н. Коммунальные квартиры. *Санкт-Петербург. Энциклопедия*. <http://encspb.ru/object/2804025141>.
- ПАРФЕНОВ 2009 = ПАРФЕНОВ Л. Квартиры хрущёвки. В кн.: *Намедни. Наша эра. 1961–1970*. Москва, 2009. 12–13.
- РУДЕВИЧ 2014 = РУДЕВИЧ А. Коммунальная квартира: рай в полторы комнаты. *Русская семерка* 2014/9. <http://russian7.ru/2014/09/kommunalnaya-kvartira-rajj-v-poltory-k>.
- СЕРГЕЕВА 2004 = СЕРГЕЕВА А. *Русские. Стереотипы поведения. Традиции. Ментальность*. Москва, 2004.
- ТКАЧУК 2002 = ТКАЧУК Т. Коммуналки. *Радио Свобода. Радиопрограммы и подкасты*. <http://www.svoboda.org/content/transcript/24201246.html>.
- ТУБАЛОВА 2008 = ТУБАЛОВА И. *Современный анекдот как способ интерпретации советских культурных моделей*. <http://www.readera.org/confimat/sovremennyj-anekdot-kak-sposob-interpretacyy-sovetskyh-kulturnyh-modelej-10322951.html>
- УТЕХИН и др. 2006–2008 = УТЕХИН И., НАХИМОВСКИ А., ПАПЕРНО С., РИС Н. *Коммунальная квартира. Виртуальный музей советского быта*. <http://www.kommunalka.spb.ru/index.cfm>.
- ЧЕРНЫХ 1995 = ЧЕРНЫХ А. И. *Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья*. <http://ecsocman.hse.ru/data/504/925/1219/011Chernyh1.pdf>.

- BOYM 1995 = BOYM S. *Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia*. London, 1995.
- DZIEKANOWSKA 2012 = DZIEKANOWSKA M. Pamięć a tożsamość zbiorowa. In: STYK J., DZIEKANOWSKA M. (red.) *Pamięć jako kategoria rzeczywistości społecznej*. Lublin, 2012. 25–37.
- LEWICKA 2014 = LEWICKA M. Miejsce. In: SARYUSZ-WOLSKA M., TRABA R. *Modi memorandi. Leksykon kultury pamięci*. Warszawa, 2014. 227–229.
- MIELICKA-PAWŁOWSKA 2012 = MIELICKA-PAWŁOWSKA H. Przeszość jako projekcja rzeczywistości współczesnej. In: STYK J., DZIEKANOWSKA M. (red.) *Pamięć jako kategoria rzeczywistości społecznej*. Lublin, 2012. 13–23.
- TROJANOWSKA 2008 = TROJANOWSKA U. *Archetyp domu w dwudziestowiecznej literaturze rosyjskiej. Lidia Czukowska. Jurij Trifonow. Anatolij Pristawkin*. Kraków, 2008.